

УСЛОЖНЕНИЕ И УПРОЩЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается диалектическая связь процессов усложнения и упрощения в культуре. Простота и сложность культуры относительны. Культура может обладать высокой сложностью культурной специализации, но низким уровнем системной сложности, быть в «плёну» собственной специализации. Рост социокультурной сложности не может быть описан как линейный, однонаправленный процесс. В культуре неизбежно присутствуют моменты возвращения и упрощения. Процессы как усложнения культуры, так и её упрощения могут оцениваться как «губительная деградация». Рост «цветущей» сложности в одних сферах культуры и общества сопровождается губительным упрощением в других. «Благотворное» упрощение, в свою очередь, может стимулировать культурное многообразие.

Ключевые слова: культура, прогресс, регресс, упрощение, усложнение.

Разнообразие является условием развития как природы, так и культуры. Возможно, что в культуре, подобно природе, также проходит отбор и совершенствование наиболее значимых культурных форм, а также «отмирание» отживших культурных практик. Будь культуры однообразными, монотонными, лишёнными различий, тождественными своим первоначальным состояниям, то вряд ли можно было бы говорить о современной цивилизации. Многообразие культур справедливо связывается не только с различиями в материальной и духовной культуре, но и с уровнем их сложности. Вся человеческая история наглядно демонстрирует нам возрастание и последующее разрастание самых разнообразных видов культурной сложности. От первобытного общества до античного полиса, от родоплеменного строя к раннефеодальному, от традиционного общества к постиндустриальному – всё это примеры социокультурного усложнения.

Человечество во все времена сталкивалось со сложностью в самых разнообразных формах. Переживание сложности предшествует сознательному принятию индивидом каких-либо теоретических установок. Так, первобытное сознание «раздваивает», усложняет действительность через переживание в вещах «иного». Это «иное», с одной стороны, имеет объективное основание, а с другой – существует идеально. «Иное» не представляет собой теоретический концепт, вместе с тем оно психологически и онтологически усложняет бытие человека, требует от человека учитывать то, что выходит за границы его непосредственного восприятия. К примеру, в верованиях народов Полинезии такого рода «иное» представлено в виде «мана» – сверхъестественной силы, незримо присущей всему окружающему.

В настоящее время сложность становится не только фактором социокультурных трансформаций, но и вполне самостоятельным социокультурным феноменом. Современ-

COMPLICATION OF SIMPLIFICATION AND CULTURE

The article deals with the dialectical interrelation between the processes of complication and simplification in culture. Simplicity and complexity of culture are relative. Culture can have a high complexity of cultural specialization, but a low level of system complexity, can be in the “captivity” of its own specialization. The growth of socio-cultural complexity cannot be described as a linear, unidirectional process. In culture, the moments of return and simplification are inevitably presented. The processes of both the complication of culture and its simplification can be assessed as “disastrous degradation”. The growth of “blooming” complexity in some spheres of culture and society is accompanied by disastrous simplification in others. “Beneficial” simplification, in turn, can stimulate cultural diversity.

Keywords: culture, progress, regression, simplification, complication.

ность демонстрирует беспрецедентное культурное разнообразие, одновременное сосуществование культур, обладающих различным уровнем сложности. Достаточно взглянуть вокруг, чтоб убедиться в возрастающей сложности человеческой цивилизации. В результате, возникает ощущение того, что существует некая строгая логика культурного развития, а исторический процесс представляет собой непрерывный процесс социокультурного усложнения.

В работе мы предлагаем рассмотреть две разнонаправленные тенденции в культуре, которые, тем не менее, сосуществуют и диалектически связаны друг с другом: упрощение и усложнение. Можно выделить несколько предметных ракурсов изучения сложности и простоты в культуре. Во-первых, можно говорить о факторах усложнения и упрощения культуры. К такого рода факторам следует отнести не только воздействие научно-технического прогресса, но и повсеместное усложнение хозяйственной жизни, этноконфессиональной структуры населения, стимулирующей культурную гибридизацию, умножение числа переходных идентичностей, культурных форм и т. д. Размывание границ (политических, экономических, религиозных, этнических и т. д.) становится одним из ведущих факторов культурного усложнения. Эти же процессы являются причиной культурного однообразия, уничтожения национальных и культурных различий. Во-вторых, можно осмыслять формы простоты и сложности в самой культуре.

В самом слове «культура» заложена идея усложнения. Возделывание земли, обработка почвы предполагает её подготовку к появлению того, что обладает большей сложностью. Римляне, как известно, употребляли слово «культура» в родительном падеже в словосочетаниях, подразумевающих определённую степень совершенства, качественного улучшения того, с чем слово «культура» употреблялось. Слово «окультуривание» указывает не на линейное

движение от простых культурных форм к более сложным, а на расширение культурного многообразия. Даже применительно к духовной сфере слово «культура» не утрачивает связь со сложностью. Греческое слово «пайдейя» также интерпретировалось как культивация, образование, осуществление человеческой природы посредством разумного воспитания. Индивидуальность, высокие моральные и профессиональные качества как бы становятся результатом окультуривания и своеобразной точкой роста для возрастания культурной сложности.

Сам факт существования греческой философии связан с диалектикой простого и сложного в культуре. Дело в том, что речевое письмо, выработанное греческой культурой на момент оформления философии, обладало рядом преимуществ. Простота, изящество и ясность греческого письма сделало распространение письменности массовым. «Простота» греческого языка «вырвала» у избранных социальных групп монополию на письменность. К примеру, древнеегипетское фонетическое письмо служило в основном религиозным целям и было отягощено множеством идеограмм (писцы использовали более 600 разнообразных знаков). Развитый язык и письменность сами по себе свидетельствуют о высоком уровне культурной сложности. Однако чрезмерная сложность письма, требующего для освоения специальной подготовки, является препятствием для социокультурного развития.

Формы проявления сложности в культуре многообразны. В работе А. А. Пилипенко «Эпистема сложности и её проявления в культуре» констатируется многообразие «эпистемических фигур», в которые облекается сложность в культуре. Упорядочивая проявления сложности в культуре, А. А. Пилипенко предлагает выделять комплексную или синкретичную сложность, системную сложность, сложность специализации, сложность связей и элементов [1].

Сложность связей и элементов характеризует количество входящих в культуру элементов и количество установленных между ними связей. Комплексная сложность характеризуется внутренне нераздельным существованием целого, выходящим за границы простой суммы своих частей. Ключевой особенностью данного вида сложности является её нередуцируемость.

Синкретическая сложность связывается со смысловой многозначностью, полифункциональностью культуры. Системная сложность характеризуется как «вертикальная сложность», олицетворяя уровень развития культуры в целом, а сложность специализации или «горизонтальная сложность» указывает на функциональное усложнение отдельных элементов культурного целого. Интересно замечание автора, который подчёркивает, что функциональное усложнение в культуре не обязательно трансформируется в системную культурную сложность. По-другому говоря, культуры, преуспевшие в каком-то одном виде деятельности, иной раз оказывались в «плёну» своей специализации. Видимо, наращивание системной сложности в культуре возможно только в связи с изменениями особого рода, не связанными непосредственно с культурной специализацией. В настоящее время мы можем говорить о возникновении качественно иного уровня культурной сложности, называемой «неосинкретической сложностью». В этом

отношении актуальным видится замечание А. Тойнби: «Так называемое цивилизованное государство есть не более чем оснащённый высокой техникой вариант примитивного племени» [2, с. 264].

Идея прогресса как непрерывного движения к будущему совершенству, всеобщему благу (техническому, социальному, экономическому и т. д.) долгое время была доминирующей. Основатель органической школы социологии Г. Спенсер подчёркивал, что социальная эволюция происходит благодаря дифференциации: от простейших форм (простого, неопределённого) к сложным. Идея исторического усложнения социальной организации легла в основание его классификации обществ. Выделение порядков сложности позволило ему выделять сложные общества, общества двойной и тройной сложности. Вместе с тем переход от кочевого образа жизни к осёдлому не мог сопровождаться исключительно усложнением, поскольку в этом процессе неизбежно происходила утрата ряда свойств и приобретений первобытной культуры.

Несмотря на видимое усложнение культуры в историко-культурной перспективе идея простоты всегда занимала особое место. Умение увидеть за разнообразными явлениями действительности общий фундамент и изначальное единство определяло успех философских систем и научных концепций. Способность из многообразия признаков предмета выделять существенные лежит в основе рационального мышления. Логический принцип простоты в «снятом» виде входит в семантически сложные теоретические конструкции современной науки. Законы природы в сознании учёных по-прежнему просты, но поведение материальных систем оказывается на разных уровнях принципиально не сводимым друг к другу, чем и обуславливается многообразие моделей действительности и их теоретическая, семантическая и синтаксическая сложность [3].

В культурно-исторических типах мировоззрения процессы усложнения и упрощения также находят своё отражение. Мифология связывается с понятием «первобытность», а оно, в свою очередь, наделяется свойствами простоты, элементарности, примитивности. Первобытное определяют как нечто, сохраняющее своё исконное, первоначальное бытие. Первобытное состояние человека также противопоставляют его культурному состоянию. В таком случае можно предположить, что теоретическое открытие феномена сложности является следствием последующего «окультуривания» человека и природы, его окружающей. Складывается впечатление, что усложнение природы в сознании человека является следствием усложнения его когнитивных структур. При всём при этом именно усложнение когнитивных структур позволяет находить простые модели описания действительности, выводить её многообразие из простых, но всеобщих принципов.

Мифопоэтическая логика «бриколажа» является демонстрацией диалектической взаимосвязи упрощения и усложнения. На первый взгляд, миф, несмотря на свою видимую алогичность и бессистемность, очерчивает перед нами психологически близкую, ясную, иначе говоря, простую картину мира. При этом оказывается, что образ действительности в рамках мифологического мировоззрения оказывается не менее сложным, но более притягательным и понятным, чем

действительность безличных, объективных закономерностей современной науки. «Простой» космос, состоящий из элементарных частиц и всеобщих, но безличных универсальных закономерностей, противопоставляется «сложному», но персонифицированному космосу мифологического мировоззрения.

В историко-культурной перспективе примерами социокультурного усложнения также можно считать возникновение монотеистических религий. «Упрощение» пантеона богов сопровождается усложнением теологии и культовой системы, с одной стороны, и обострением культурных противоречий, – с другой. Способность использовать абстракции делает возможным существование простых моделей действительности, которые, тем не менее, психологически усложняют бытие человека. Так, атомистический подход, предложенный Демокритом, позволяет найти простое и всеобщее описание действительности, но усложняет этические аспекты бытия человека.

Культурное усложнение никогда не было равномерным. Рост социокультурной сложности не может быть описан как линейный, однонаправленный процесс. В культуре неизбежно присутствуют моменты возвращения и упрощения. Одним из первых, кто обратил внимание на роль простоты в развитии культуры и цивилизации был отечественный мыслитель К. Н. Леонтьев. В работах К. Н. Леонтьева простота рассматривается как закономерный этап общекультурного развития: от бесцветности, простоты к цветущей сложности и смесительному упрощению. Простота противопоставляется упрощению. Если простота рассматривается как вместительность возможностей, то смесительное упрощение («бездарная старческая простота») рассматривается как их исчерпание и гибель. При всём при этом он тут же замечает: «Хотя все в Европе уступают более или менее всеобщему стремлению к столь прославленной однообразной простоте, но здравый смысл и опыт шепчут многим, что без разнородности и антитез нет ни организации, ни движения, ни жизни вообще» [4, с. 134].

В рамках западноевропейской культуры можно наблюдать моменты как «губительного опрощения», так и «благотворного упрощения». Примером такого рода процессов можно считать Реформацию, в которой сделана попытка «упростить» христианство, вернуться к раннехристианским идеалам апостольской церкви. Интересно, что в рамках Реформации «упрощение» христианской догматики и оформление протестантской этики обернулось культом частной собственности, стяжательством и, как следствие, появлением буржуазии и ростовщичества. С одной стороны, буржуазия способствует появлению новых культурных практик, но, с другой стороны, буржуазный подход к действительности, основанный на культе стоимости и цены, существенно упрощает отношения между людьми. Изменившиеся отношения производства и потребления стимулируют усложнение хозяйственной жизни и, как следствие, хозяйственного права (да и правовой системы в целом). Сложные, преимущественно личные отношения между господином и подчинённым заменяются безличными отношениями подчинёнными всеобщим законам, формально-рациональному господству разнообразных форм права.

Рост сложности в одних сферах культуры и общества сопровождается упрощением в других. Французский социолог А. Токвиль рассматривал упрощение как предпосылку для нового порядка. Размышляя о Великой французской буржуазной революции, он отмечает, что общественный порядок, основанный на равенстве сословий, является более простым и однообразным, чем политическое разнообразие, присущее феодальному укладу жизни [5, с. 32].

Вместе с тем следует заметить, что чрезмерное упрощение историко-культурной действительности лежит в основании разнообразных тоталитарных идеологий. Речь идёт не столько о жёсткой идеологической цензуре, монопартийности (хотя и о них тоже), сколько о стремлении уничтожить индивидуальность (как источник разнообразия), подчинить культурное многообразие одной всеобъемлющей идее, уничтожающей различия между людьми. Тоталитаризм предлагает поляризацию общества и культуры на «мы» и «они», «своих» и «чужих», что способствует уменьшению богатства культурных форм и плюрализма мнений. Как известно, уничтожение классового многообразия – основополагающая идея коммунистического учения. Следствием такого рода позиции является уменьшение возможностей для проявления индивидуальности. В результате, к примеру, искусство обезличивается, перестает быть индивидуальным творчеством, выступая в роли орудия пропаганды. Искусство также должно быть простым, ясным и исключать двусмысленность. Уничтожение различий, поиск простоты в общественных отношениях касается не только социальной структуры, но и сферы полов. Стирание различий между полами приводит к тому, что нет больше мужчин и женщин, а есть лишь «товарищи».

Упрощающие идеологии стимулируют «чёрно-белое» мышление, лишая культуру полифонизма, делая её монотонной и однообразной. Перспективы последовательного социокультурного упрощения представлены в произведении Джорджа Оруэлла «1984». Создание и использование режимом правящей партии «ангосоца» особого языка («новояза») иллюстрирует последствия упрощения в культуре. «Новояз» предполагает максимальное упрощение языка: стерилизацию семантического содержания слов, создание новых слов и ликвидацию старых, а также максимально возможное удаление их смысловых оттенков, что в перспективе сделает невозможным «инакомыслие» [6, с. 305–318]. Многие лингвисты современности также отмечают тенденции упрощения грамматической и фонетической структуры языка. Речь идёт не только об исчезновении сложных падежных форм или спряжений глаголов, но и об упрощении произношения, сокращения слов и даже целых предложений до коротких аббревиатур.

Упрощение повсеместно используется в культуре, в политической, религиозной, экономической и многих других сферах. Упрощающие идеологии активно используют разнообразные лозунги, художественные образы, в которых в максимально простой форме содержатся руководящие идеи или какое-нибудь требование. Вместе с тем они же позволяют донести в сжатой форме сложную идею, избежать двусмысленности. В обыденном сознании многие сложные научные концепции, философские идеи оказываются упакованными в простые высказывания, своеобразные

речевые клише. Скажем, нередко от самих биологов можно услышать высказывание, о том, что, «человек произошел от обезьяны». Такого рода упрощение является вынужденным и в полной мере не соответствует сложной «родословной» человека, но позволяет в простой форме донести сложную мысль о происхождении человека.

Многие специализированные культурные практики по мере развития культуры исчезали или становились понятными только меньшинству. По мысли О. Шпенглера, «Фидиевы скульптуры Парфенона существовали для всех эллинов, музыка Баха и его современников была музыкой для музыкантов» [7, с. 426]. Ситуация, когда музыка сочиняется для музыкантов, а картины пишутся для художников, усиливает культурную фрагментацию. В результате культура становится дробной, сложной, но «мозаичной», утрачивая представления о себе как о целом, распадаясь на множество субкультур.

Социокультурное усложнение видится как объективная историческая необходимость, в которой «простые» культурные состояния и практики «снимаются» более сложными. К примеру, социальная структура русского общества второй половины XIX века объективно усложняется, становится более дробной, поскольку на смену дворянству приходят выходцы из самых разных слоёв, что способствует фрагментации социокультурного пространства, появлению новых культурных феноменов и хозяйственных практик. Невозможность вписать такого рода усложнение в сложившийся сословный порядок привело к формированию так называемых разночинцев, «кухаркиных детей» (И. С. Тургенев). В дальнейшем разночинцы превратились в наиболее активную часть русской нации.

Поляризация отношений «разночинец – дворянин» стимулировала русскую культуру. Общество, с одной стороны, получило более сложную социальную структуру, а с другой – «упростило», «опростило» представления человека о самом себе. Многие разночинцы вдохновлялись произведениями Н. В. Гоголя. По замечанию С. Г. Бочарова: «Ведущей гоголевской темой было «раздробление», исторически широко понимаемое как сущность всего европейского Нового времени, кульминации достигшее в XIX веке; характеристика современной жизни во всех её проявлениях как раздробленной, дробной» [8, с. 136–138]. В повестях Н. В. Гоголя человек «упрощается», представлен как частица, дробная величина, приведённая к минимуму ценности и значения (тут можно вспомнить образ «маленького человека»). В творчестве Ф. М. Достоевского также красной нитью проходят мотивы губительного упрощения: «расщеплённого сознания», «деградации», «разрыва», «надлома» и т. д.

Упрощение не всегда представляет собой негативное явление. Скажем, идея равенства всех людей перед законом, будучи основой для любого правового государства, представляется нам более простой, чем сложное многообразие правоприменения, порождённое кастовым или сословным делением. При этом «простая» идея всеобщего равенства способствует оформлению более глубоких форм самосознания индивида, усложнению форм его ответственности перед собой, обществом и общечеловеческой культурой в целом.

Культура в своём развитии не только «приобретает», становится сложнее и многообразнее, но и неизбежно «теряет», упрощается. Известно, что для феодализма характерно множество правил, «кодексов чести», каждый из которых регламентировал экономическую, политическую и моральную сторону жизни отдельных сословных групп. Капитализм «упростило» все эти хитросплетения феодализма, поставив во главу угла объективные экономические законы, производительные силы и производственные отношения. В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс, размышляя о буржуазии, подчёркивают: «В ледяной воде эгоистического расчёта потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретённых свобод одну бессовестную свободу торговли» [9, с. 27]. В результате социальная структура упрощается, культурные практики становятся менее разнообразными, сословное многообразие исчезает и сводится к отношениям между двумя социальными группами пролетариатом и буржуазией. Очевидно, что культурная «пестрота», скажем, кастового строя предполагает более разнообразные культурные практики, чем монотонная жизнь наемного рабочего. Возможно, что именно «избыточная сложность» социальной структуры кастового строя Индии долгое время была источником стагнации в индийском обществе.

В историко-культурной перспективе имеет место трансформация представлений о сложности [10]. Понятия «сложность» и «простота» укоренены в современной культуре. Простота и сложность культуры относительны. Культура может обладать высокой сложностью культурной специализации, но низким уровнем системной сложности, быть в «плену» собственной специализации. Функциональное усложнение культуры далеко не всегда переходит в её комплексное усложнение. Культура в своем развитии не только приобретает, становится многообразнее и сложнее, но и неизбежно упрощается. Процессы как усложнения культуры, так и её упрощения могут оцениваться как «губительная деградация». «Избыточная сложность» культуры оказывает не менее разрушительное воздействие на культуру чем «смесительное упрощение». Вместе с тем упрощение в культуре также способствует её развитию, открывает новые перспективы для социокультурного усложнения.

1. Пилипенко А. А. Эпистема сложности и ее проявления в культуре // Культура культуры : электронный журнал. 2015. 2 (6). URL: <http://cult-cult.ru/episteme-of-complexity-and-its-manifestation-in-culture> (дата обращения: 27.07.2017).

2. Тойнби А. Постигание истории. М. : Айрис-Пресс, 2002. 640 с.

3. Ополев П. В. Логический принцип простоты в науках о сложности // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 87–90.

4. Леонтьев К. Н. Средний европеец // Леонтьев К. Н. Избранное. М. : Рарогъ: Московский рабочий, 1993. С. 119–168.

5. Токвиль А. Старый порядок и эволюция. М. : 1911. 308 с.

6. Оруэлл Дж. 1984. М. : Изд-во АСТ, 2016. 320 с.
 7. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск : ВО «Наука», 1993. 592 с.
 8. Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985. 296 с.
 9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1974. 63 с.

10. Ополев П. В. В поисках субъективной сложности: от логоса к логеме // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 4(8). С. 17–21.

© Ополев П. В., 2017

УДК 130.2

Е. В. Пастухова
E. V. Pastukhova

ТИПЫ ЧТЕНИЯ И УРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Современные исследования все больше тяготеют к междисциплинарности. Языковая личность перерастает рамки лингвистических исследований. При соотношении ее с типами чтения текстов становится возможным говорить о перспективах развития не только вторичной, но и третичной языковой личности. Учитывая степень проникновения в авторский текст, а также творческую и ценностную полноту понимания прочитанного, изучения требуют не только уровни языковой личности, но и сами категории языковой личности, вторичной языковой личности и, возможно, третичной языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность, типы чтения, нарратив, вторичная языковая личность.

TYPES OF READING AND LEVELING ORGANIZATION OF A LANGUAGE PERSONALITY

Modern researches are increasingly tending to interdisciplinarity. The language personality grows beyond the frames of linguistic research. When correlating it with the types of texts' reading, it becomes possible to talk about the prospects for the development not only of a secondary, but also of a tertiary language personality. Taking into account the degree of penetration into the author's text, as well as the creative and value completeness of the reading comprehension, not only the levels of the language personality, but also its categories, the secondary language personality and, possibly, the tertiary language personality, need to be studied.

Keywords: language personality, types of reading, narrative, secondary language personality.

В настоящее время особую актуальность обретает исследование категории языковой личности, в ее изучение помимо педагогов, филологов, лингвистов, психологов оказываются вовлечены и представители таких областей междисциплинарного знания, как психолингвистика, нарратология, когнитивная наука. Одним из первых исследователей, анализирующих эту категорию, стал Ю. Н. Караулов, который вычленил трехуровневую структуру языковой личности. В дальнейшем И. И. Халеева в контексте педагогических исследований ввела категорию вторичной языковой личности. Однако при изучении гуманитарными науками категорий языковой личности и вторичной языковой личности возникает ряд противоречий, что позволяет заключить, что эти категории нуждаются в дальнейшем изучении.

Если проанализировать исследования, посвященные теме понимания и типам прочтения текстов, то в качестве отправной точки можно выделить введенные Ю. Н. Карауловым уровни языковой личности:

- семантический, или структурно-языковой,
- лингво-когнитивный,
- прагматический [1, с. 42].

Данные уровни отражают степень владения языком и в той или иной мере соответствуют выделяемым по международным стандартам ступеням при обучении иностранным языкам.

Параллельно с Карауловым исследования по языковой личности проводит Г. И. Богин, который в качестве главного свойства выделяет готовность производить речевые поступки [2, с. 3]. На базе этих идей развивается дальнейшее изучение языковой личности, переходящее в исследования вторичной языковой личности.

Понятие вторичной языковой личности, введенное И. И. Халеевой, связано с привитием учащемуся особой перцептивной способности постигать иную ментальность, иную стратегию и тактику жизни, а значит, иной способ осмысления информации, затрагивающей любые стороны жизни.

Таким образом, языковая личность вообще и вторичная языковая личность в частности представляют собой многоуровневую, многоструктурную и многоаспектную систему, изучение которой требует исследовать ее с различных позиций. Представляется перспективным расширить рассмотрение языковой личности и с точки зрения нарратива как структуры коммуникации.

Изучение культуры и языка как его части может быть представлено в виде:

- 1) знаний о различных сферах бытия;
- 2) опыта действия в определенных сферах;
- 3) творчества как преобразования и переноса приемов деятельности в новые, непредвиденные условия;
- 4) отношения к деятельности, ее объектам, всему, что с ней связано, соотносению с системой ценностей человека.